

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Психолого-педагогический факультет

Кафедра психологии

**ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ**

Брест 2005

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Психолого-педагогический факультет

Кафедра психологии

**ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ
В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ**

Материалы 2 международной
научно-практической конференции

3 – 4 февраля 2005 года

Брест 2005

УДК 159.9+2.

Е.Л.МАЛИНОВСКИЙ

Республика Беларусь, Барановичи, УО «БарГУ»

**ЭКЗЕГЕТИКА ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА В
ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ**

Культурно-психологическое образование смыслов всегда занимает ключевое положение в жизнедеятельности человека, рефлексировывая свое формальное подобие (*ὁμοίωσις*) как сообразие высшему, единственному, благородному. Здравый смысл служит сотериологическим (*soteriologic*) потенциалом богоподобия как личностного субстанционального начала. Социальный индивид модифицирует означаемое бытие того означаемого Образа, который выбит у него на «скрижалях сердца». Истолкование смыслов, приоритетное значение которых детерминировано как религиозно-догматической, так и конструктивно-интерпретационной мотивацией, усиливает неясность этого образа, «следа-следа» (Ж. Деррида). Согласно Шлейермахеру, развивающий опыт как субстанция всего религиозного комплекса, оставляет за догматами статус символов, эмоциональных метафор. В таком случае индетерминизм формы на фоне ассоциативной расплывленности конструкций едва различим в интроспективном элементе, обнаруживающем «реальную акциденцию» (Фома Аквинский) как единичное проявление субстанции. Этим единственно здоровым элементом остаются только *El, Bell, Hel – Isra-el, gene-el, individu-el*, то есть «неделимый Бог».

Акцидентальная концентрация знаковости отражает ее древнюю троичную организацию, включающую в себя, по М. Фуко, «содержание, форму и подобия, связывающие метки с обозначенными вещами; но так как сходство есть столь же форма знаков, сколь и их содержание, три различных элемента этого распределения превращаются в одну фигуру» [1, 78]. Несхоластическому, эмансипированному психологу приходится выражать несогласие с метафизическими причинами психики, агитируя индетерминизм естественного рода в монистическом материализме: *regum et idearum idim est* (Б. Спиноза). Такая психология демонстрирует большее, по сравнению с теологией, доксихическое "правдоподобие" в силу своей «протяжённой» наглядности. С этого момента психология посвящает себя естественному роду объяснения психики. Если, по мысли М. Фуко «в XVI веке интерпретация шла от мира (вещей и текстов) к Божественной речи, которая в нём расшифровывалась; наша интерпретация, или, точнее, та интерпретация, которая сложилась в XIX веке, идет от наших познаний или химер к словам, которые делают их возможными, и обнаруживается при этом не суверенность первоначальной речи, а то, что мы, не раскрыв еще реч,

ответны языку и пронизаны им» [3; 322]. Таким образом, современная психология движется не от констатации этимона «психология» к раскрытию того, что он означает, но «от явственного развёртывания дискурсии к извлечению языка в его собственном бытии» [3; 333]. Психология как новая дисциплина «здрово самодостаточна» в своем «образовательном партнере» посредством зарплат и научно-методических изданий, всё больше представляющих метафорический артефакт и всё меньше напоминающий архаический архетип «ψ», заставляющий язык говорить из «собственных глубин» [3; 333]. Акцидентальный потенциал «подобия» *El* связан с онтогенетическим источником здравого смысла, актуализирующего образы в личной жизни: «время и случай для всех» [Екк 9; 12]. Отсюда можно предположить, что интенциально объективному значению образа слова соответствует акцидентальный смысл его подобия.

Валеологическая актуальность смыслообразования была пророчески предостережена апостолом Павлом, который антиципировал поглощение метонимии (*μετωνοία*) слова метафоричностью его смыслов: «настанет время, когда здравого учения принимать не будут, а заменят его баснями» [2 Тим 3, 4]. Патерналистски детерминированный «здравый смысл» в любых его стандартах квантифицирован высказываниями материалистско-предикативной структуры, детерминирующей подобие *El* до необходимости игры или «доигрывания» (Ф. Искандер) по типу «будь как все». Если в такой готовности теряется рефлексия, то каждое неопределенное предложение детерминировано болезненным смыслом лжи, типа «на Бога надеяться – а сам не плошай». Такое высказывание ложно в виду относительности *El* (*self*), его редуцирования до уровня трансцендентного. Здравая же этиология еврейского имени *Емману-ел* то есть «с нами Бог» [Ис 7, 14] указывает на такую индетерминацию самости, которой предикативна имманентная неуязвимость (*immanence*) Данное психологическое качество позволило, например, слушательнице спецкурса Светлане К. объективировать неопределенность «...Я...» интроспекцией «Я-ГВЕ» (Сущий). Тем самым сверзвучивая акциденция была ассимилирована речевым ядром, в котором нашлось место имманентному Слову.

Безотлагательная (*immediace*) идентификация личности со Словом перемежается с медиативностью, промежуточностью подобия, индуцирующего доигрывание, игривость и имитацию образа, в том числе тестом, текстом, «трансактом» (Э. Берн). Данный «контекст», по нелицеприятному замечанию Ж. Дерриды, «ни чем не отличается от онанизма». Дискредитация небесной цели «излиянием семени на землю» [Быт 38, 4] причиняет личности страдание, посредством которого она входит в небесный образ (во-образ-ж-ение) и восстанавливает семя Логосу, акцидентального, например, «квазиблуду» Фамари [Быт 38, 42]. В Священном Писании истина

дискурсивна (discere–блуждание): «она много возлюбила, потому ей многое прощается» [Лк 7, 47]. Фамарь «как блудница» и «блудница» Мара Магдалина индетерминантны праматеринству Израиля генеалогически, здоровым смыслом нестандартно полового решения.

Экзегетика (εξηγησις) – теологическая дисциплина, могущая ориентировать психологию в деле декодификации смыслов и значений входящих в психологический контекст личности. Чем ближе экзегет к курсному откровению, тем больше у него шансов избежать логической ошибки. Психологическая доступность Слова в его индетерминантной данности: «не на небе и не за морем..., но близко к тебе слово, оно в уста твоих и в сердце твоём» [Втор 30, 14]. Дискурсивное извлечение (existentio) из Священного Текста оправдывается самой личностью, ее телуально-телесной реализованностью. Духовный онанизм как психологическая нереализованность дискредитирует личность энтропией тела, смерти, его распадом: «всякий грех вне тела» [1 Кор 6, 18].

Психологический дискурс, организованный в рамках студенческого клуба «Психея»(ψυχη и Я) проходит в своем развитии ряд ступеней, первую, связанную с семантической или этимологической метафорой, с великой, алеаторикой, содержащих акциденциальный след. Вторая ступень – спекулятивная парадигма, при которой предметом рассуждений выступает не религиозное понимание Писания, но реконструкция смыслов с использованием психологической методологии: «первой и последней личностью является Иисус Христос, сделавший первый выбор между жизнью и смертью и утвердивший нашу, то есть психологическую эру». Третья ступень – либеральная или системотворческая, в которой психологическая парадигма становится лишь поводом для интенциализации нарратива.

Таким образом, с помощью дискурса решается задача выявления интеркогнитивного как постигающего, мистико-речевого как выражающего, убежденно-парадигмального как преобразующего, и потребности генетического как умножающего значение текстов. Экстраполирование герменевтической инициативы на психологический контекст задает терминологии реинтерпретационную значимость, а использование экзегетики служит преодолению кризиса научного языка и утверждению психологической реальности здравого смысла.

Список литературы

1. Священное Писание Ветхого и Нового Завета. Библия.
2. Жильсон Э. Избранное. Томизм. Введение в философию св. Фомы Аквинского. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999. – 496 с.
3. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. – СПб.: А-сид, 1994. – 405с.